

во мнѣ не было... Загубилъ я человѣка, кровь пролилъ... Сослали меня на каторгу. А я замѣсто того, чтобы покориться, еще болѣе возропталъ и вознегодовалъ. Востосковалась во мнѣ душа, и въ гордости своей я даже руки на себя хотѣлъ наложить. Что, думаю себѣ, мнѣ теперича осталось въ жизни моей? Ни жены у меня, ни дѣтокъ малыхъ, ни сродственниковъ; каторжникъ я, больше ничего. Опостыло мнѣ все, людей я возненавидѣлъ, свѣтъ вольный мнѣ тьмою кромѣшною представлялся... А пуще всего, дѣвушка, кровь меня донимала... т.-е., которую я пролилъ... Страшно кровь человѣческую пролить, дѣвушка! Кровь кровью отомщается завсегда,—такъ-то вотъ и меня было Господь покаралъ, ежели бы не спасла меня любовь и вѣра...

Старикъ свѣсилъ кудрявую голову на грудь и задумался. „Вотъ то же и Ѳедосья мнѣ говорила!“—вспомнилось вдругъ Леночкѣ.

— Ну, что же, дѣвушка, рассказывай... — тихонько напомнила она ему.

— Такъ вотъ я тебѣ и сказываю, что вѣра меня спасла. Подвернулся мнѣ одинъ человѣкъ, въ иноческомъ чинѣ онъ состоялъ и сосланъ на поселеніе былъ за вѣру... Тогда, дѣвушка, времена были на этотъ счетъ строгія... Прозрѣлъ онъ меня и мои грѣшныя думки, и сталъ просвѣщать... То-есть, и не могу я тебѣ рассказать, дитятко, что тогда со мною содѣялось, какъ началъ онъ мнѣ свои божественныя слова говорить! Всю мерзость свою я въявь тогда увидѣлъ, и ужаснулся... Возлюбилъ Господа моего, возлюбилъ людей, — и словно свѣтомъ меня осіяло. На душѣ покой, на сердцѣ—легость... Велика благодать Господня и нѣсть конца щедротамъ его!

— Ну, а дальше что же было?—сказала Леночка, видя, что старикъ снова замолчалъ.

— Ушли мы съ инокомъ на Ишимъ и тамъ поселились. И жили мы съ нимъ эдакъ болѣе двадцати лѣтъ въ трудахъ и покоѣ. Забылъ я тутъ о себѣ грѣшномъ помышлять, да о жизни своей пропащей сокрушаться. Узналъ я тутъ, что у Бога всякій грѣхъ прощень и всѣ люди нужны на свѣтѣ... Народъ насъ посѣщалъ въ большомъ числѣ, и мы по силѣ-мощи утѣшали. Многіе со-всѣмъ съ нами оставались, и подъ конецъ всѣхъ насъ, утѣшенныхъ, собралось человѣкъ сорокъ. И какой же рай-райскій въ нашемъ скиту былъ!..

Однако для меня большое горе настало. Померъ мой наставникъ и утѣшитель, блаженный инокъ. Уложилъ я его въ гробъ, который онъ своими руками самъ себѣ приготовилъ, затѣмъ въ